

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Л. Н. ПУШКАРЕВ

РУКОПИСНЫЙ ФОНД И. Г. ПРЫЖОВА, СЧИТАВШИЙСЯ УТЕРЯННЫМ

Научное и литературное творчество революционера-шестидесятника И. Г. Прыжова (1827—1885) давно уже привлекало внимание советских ученых. Работы Прыжова интересовали этнографов, историков, публицистов, литературоведов и фольклористов, и все находили богатый и интересный материал в его статьях и очерках, крупных исследовательских работах и мелких заметках. Многогранность и широта творческих интересов Прыжова особенно ярко выступают в плане его научной работы, который он дважды излагал¹. Вспоминая о своей работе, Прыжов писал: «Тогда мне страшно хотелось написать три вещи: а) Поп и монах, как первые враги культуры человека, б) Историю крепостного права, преимущественно по свидетельству народа и в) Историю свободы в России». Эти три большие проблемы, поставленные им перед самим собою, раскрывались с разных сторон в предполагаемых шести томах его сочинений: 1. Народные верования (в первые дни культуры, в средних веках и теперь); 2. Социальный быт (хлеб и вино, община и братство, поэзия, музыка и драма); 3. История русской женщины; 4. История нищентства в России; 5. Секты, ереси, расколы; 6. Малороссия.

М. С. Альтманом уже сделан обзор напечатанных работ Прыжова в плане перечисленных тем². Исследователь показывает, что по каждой теме Прыжов опубликовал довольно большое количество материалов. Однако еще большее число работ осталось в рукописи. Судьба этого рукописного наследства ученого-революционера 60-х гг. показательна. Наиболее значительная и по объему, и по содержанию часть всего написанного им в 60-е гг. была им же самим уничтожена в ожидании ареста. Так, Прыжов сжег «целые тысячи» сказок про попов и монахов, собранные им в Московской, Тверской и Владимирской губерниях. Он сжег первую тетрадь «Истории свободы в России», с выразительной виньеткой, нарисованной его братом: «бордюры из цепей, а по четырем углам были нарисованы виселица, топор и плаха, кандалы и плети и... Петропавловская крепость».

Другая часть его рукописного наследства была им отдана различным издателям и коммерсантам. Так, «дорогие сведения о кулаках, завладевших народом вместо господ» (взятые, повидимому, из «Истории крепостного права») были отосланы Прыжовым известному русскому кооператору Н. П. Баллину в Берлин. М. М. Стасюлевичу, редактору «Вестника Европы», Прыжов отдал статью «Поэтические воззрения славян на природу» и две главы из «Истории русской женщины»,— в печати они не появились. Половину монографии о «пьяных жителях» в доисторическом быту славян Прыжов продал лубочному издателю Преснову (письмо к М. М. Стасюлевичу от октября 1867 г.). М. И. Семевскому, редактору «Русской старины», Прыжов отдал статью «Киев» и т. д. Ряд статей Прыжова был задержан цензурой. Так, в 1922 г. Ю. Г. Оксман нашел в материалах С.-Петербургского цензурного комитета работу «Смутное время и воры в Московском университете». В цитированном письме к Стасюлевичу Прыжов упоминает, что работа «История мещан» запрещена и удержана московской цензурой,— ее судьба нам до сих пор неизвестна.

Довольно значительная часть рукописного наследства Прыжова погибла при подготовке работ к печати (надо сказать, что черновики Прыжов, как правило, не

¹ В своем письме к Стасюлевичу в октябре 1867 г. и в «Исповеди», написанной в Петропавловской крепости накануне суда.

² М. С. Альтман, И. Г. Прыжов и его литературное наследие (вступит. статья к сборнику «И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма»). М.—Л., 1934, стр. XX—XXI.

...издателство об этом в его письме Стасюлевичу от 26/X 1867 г.). Из двух томов «Истории кабаков» Прыжов сделал один и издал его у Вольфа; остатки двух томов пропали. Так же были изданы и книги «Нищие на святой Руси» и «Собрание лжепророков, лжеорудивых, дур и дураков». Прыжову приходилось вынужденно сокращать свои произведения, чтобы хоть что-нибудь опубликовать.

Неполнота дошедшего до нас наследия И. Г. Прыжова ощущалась уже первыми его исследователями. Отсутствие рукописных вариантов помешало разработке ряда вопросов, в частности, анализу последнего периода его творчества, о котором Альтман сообщал, что «вероятно, дальше предварительного собирания материалов Прыжов здесь не пошел». Наконец, отсутствие рукописного наследия не давало исследователям возможности полно и верно раскрыть весь облик Прыжова, его общественно-политические и научные, в частности, этнографические и фольклорные, взгляды.

Из писем И. Г. Прыжова к Н. И. Стороженко явствовало, что он усиленно работал до время ссылки на Петровском заводе и что у него имеется большое число незаконченных или уже оформленных для сдачи в редакцию статей; об этом же писал в письме к Стороженко и управляющий Петровским заводом инженер И. Я. Аникин: «Имущество его (И. Г. Прыжова.—Л. П.) все описано полицией, и не знаю, какой будет ему исход; книги же и бумаги теперь все у меня, но я не имею времени в них разобраться и сделать опись»³. М. С. Альтман добавляет к этому: «Судьба этих «бумаг» нам неизвестна, и, вероятно, как полагает Б. П. Козьмин, они затерялись так же, как затерялась могила Прыжова»⁴.

Однако бумаги Прыжова оказались целы. Сейчас пока еще трудно установить подробную историю фонда И. Г. Прыжова. Известно только, что этот фонд, в конце концов, попал в музейное собрание известного коллекционера и исследователя русского быта П. И. Шукина, который еще в 1905 г. передал в дар Историческому музею все свои собрания, в частности, рукописные материалы (см. опись собрания П. И. Шукина № 378, хранящаяся в Гос. Историч. музее). Весь фонд Прыжова был принят в Исторический музей и занесен там под именем «Благовещенского» (псевдоним Прыжова, которым он подписывался под своими сибирскими статьями). Долгое время этот фонд хранился в Музее, пока в 1941 г., в связи с эвакуацией части архивных фондов, он не был передан в Центральный государственный литературный архив Министерства внутренних дел, где он и был обнаружен мною в 1948 г. во время моих занятий над темой «Фольклористика 60-х годов XIX в.».

Такова краткая историческая справка о рукописном наследии одного из замечательных ученых и революционеров-шестидесятников—И. Г. Прыжова⁵.

Весь фонд в целом состоит в основном из черновых и беловых автографов самого Прыжова, нескольких копий и массы газетных и журнальных вырезок. При своем поступлении в Гос. Историч. музей фонд получил валовую нумерацию всех страниц подряд, без разделения на отдельные работы и без соблюдения порядка следования листов внутри работ. Позже фонд был разбит на отдельные единицы, которых в настоящее время насчитывается 23. Поводом для выделения отдельных единиц послужило то, что сам Прыжов собрал часть своих материалов по папкам и кратко озаглавил эти папки. Внутри отдельных работ нумерация листов зачастую не соответствует содержанию; разбор фонда Прыжова затрудняет и то, что Прыжов писал со многими вставками, поправками, черновыми вариантами и зачеркиваниями. Лишь в тех работах, которые он подготовил к печати, эти вставки подклеены к листам и указаны места вставок. В большей же части работ установление истинного порядка листов должно быть проделано исследователями.

Статьи и книги Прыжова написаны на листах формата конторской бухгалтерской книги на обеих сторонах листа. Вставки написаны на клочках той же бумаги; иногда вставка состоит из газетной вырезки. Почерк Прыжова разбирается с трудом, тем более, что в последнее время он принципиально писал без твердого знака, без ять и без знаков препинания и заглавных букв, мотивируя это желанием сократить процесс письма. Так, в частности, написан основной труд Прыжова, создававшийся им в течение 20 лет—«Граждане на Руси» (более ранний вариант заглавия—«Русский народ»). В тексте встречается большое число сокращений и ссылок на различные журналы, газеты и книги; в смысле комментирования текст Прыжова—один из самых трудоемких. В фонде явственно различаются два почерка: работы, написанные в 60-х гг., и те, которые написаны им в 80-х гг., когда он вышел на поселение.

По своему содержанию фонд Прыжова повторяет в основном те основные темы, которые были намечены им самим еще в 60-х гг. По первой теме—«народные верования»—в фонде Прыжова сохранились такие работы, как «Ведьма»,—статья о средневековых предрассудках и народных верованиях, связанных с ведьмами, на Западе и у нас на Руси. Объем статьи—45 л. К этому же разделу относится работа

³ См. И. Г. Прыжов, Очерки, статьи, письма, стр. 361.

⁴ См. М. С. Альтман, И. Г. Прыжов, М., 1932, стр. 111.

⁵ Не имея возможности в краткой заметке о найденных материалах раскрыть общественно-политические и научные взгляды Прыжова, его роль и место в общественной и научной жизни 60-х гг. и, в частности, в этнографии и фольклористике, автор сознательно ограничивает себя кратким описанием фонда в целом и отдельных единиц этого фонда. Работа научно-исследовательского характера готовится автором к печати

на 33 л. «Светлая сторона поэтических отношений природы и человека. Лирическая поэзия». Это — автограф и чья-то копия. Основное содержание статьи — исследование о голубе и верованиях, связанных с ним, и об отражении образа голубя в народной поэзии. Наконец, последняя работа из этой области — «Собака в истории человечества. Исследование И. Благовещенского». Автор изучает роль собаки в истории культуры — на Востоке, в греко-римском мире, в германо-кельтском мире, у славян и на Руси.

Все это — не новые работы Прыжова; следы их мы можем обнаружить в его ранних письмах. Так, в письме к А. А. Краевскому, относящемуся к 1864 г., он пишет: «Дама, которая передаст Вам это письмо, желает поместить в «От[ечественных] Зап[исках]» сочинение о колдуньях в средних веках, составленное по Шеру (4-я глава из его «Истории немецких женщин») и Кеппену — «История колдуний», — всего листов 7—8 печатных»⁶. Именно эти источники указаны Прыжовым в примечаниях к его работе; содержание статьи также соответствует сообщению в письме, и есть все основания предполагать, что сочинение о колдуньях неизвестной дамы принадлежало самому Прыжову.

Монография о голубе упоминается в письме к Стасюлевичу от октября 1867 г. Она названа в нем «Поэтические воззрения славян на природу». Что это идентично статье, находящейся в фонде Прыжова, подтверждается письмом к Стасюлевичу от 26/X — 1867 г., где Прыжов пишет: «Вы без всякого сомнения можете заимствовать из «Поэтических воззрений» все, что подойдет под размер вашего журнала.. Высылаетесь на славянские памятники, которые читатель будет пропускать; но они почти все с подстрочным переводом... а славянство в моде»⁷. В работе же Прыжова «Светлая сторона поэтических отношений природы и человека» большое место занимают примеры из славянских фольклорных памятников с параллельным переводом их на русский язык; это — единственная сохранившаяся рукопись Прыжова с привлечением славянского фольклорного материала.

Наконец, статья о собаке многократно упоминается в письмах Прыжова. Она была в 1867 г. у Стасюлевича⁸. 21 марта эта статья уже была у К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора Петербургского университета («Если вам не удалось сунуть куда-нибудь мою «Собаку», хоть за какую-нибудь цену, только за наличные деньги — 10, сделайте милость, вышлите ее мне поскорее — я ее продам здесь...»⁹). Но в 60-х гг. «Собака» напечатана не была. 18 ноября 1882 г. Прыжов пишет в письме к Стороженко, что «брата просил бы отыскать брошенный мною где-то труд «Быт рус[ского] народа». Коли получу, брошу все и займусь «Собакой в истории верований человека»¹⁰. Видимо, брат прислал статью Прыжову, тот ее переделал и белой вариант отослал Стороженко. В письме от 12 апреля 1883 г. Прыжов писал Стороженко: «Если моя «Собака» попала в Главное управление цензуры или даже в духовную цензуру, то бога ради примите все меры.. вырвать ее отсюда, иначе — смерть моя. Труд этот — одна лишь глава из обширного труда о домашних животных, которому я посвятил целых 20 лет»¹¹. Прошел год, но судьба «Собаки» не изменилась: «Собака попадает в Географ[ическое] Общество, «где и увязла», т. е. застряла»¹². «Съели, — писал я брату, — съели мою бедную собачку! Вымою, вычищу эту страдальницу (в течение почти 20 лет) собачку и тотчас ее в Питер с эпиграфом «съешьте ее! съешьте!»¹³. Смерть помешала Прыжову выполнить задуманное.

Итак, все эти три работы представляют собою дальнейшее продолжение и развитие давно задуманных Прыжовым исследований. Такого же рода и две другие его работы, относящиеся ко второй теме его творчества — к социальному быту. Это прежде всего частично сохранившиеся материалы по «Истории кабаков» — без особого названия и отрывочного содержания, но довольно значительного объема — 125 л. В работе 3 раздела — 8-й, 9-й и 10-й, все без названий. Другая работа Прыжова составляла когда-то 2-ю главу его неизвестного труда и озаглавлена «Первые следы социальной жизни на Руси». Это автограф на 75 л., вполне готовый к печати и содержащий разделы: 1. Появление напитков, 2. Вино, 3. Ячные и медвяные славян (брага, пиво, квас, мед, хмель), 4. Напитки, как один из деятелей социальной жизни народа; 5. Вино в свадебном обряде. Работа имеет этнографически-фольклорный характер и очень типична для первого периода научной деятельности Прыжова (60-е гг.).

В дошедшем до нас фонде Прыжова совсем нет работ, посвященных специально третьей теме его творчества — «Истории русской женщины». Правда, материалы по характеристике женщины-сибирячки часто встречаются в его статьях о Сибири, но они там играют служебную роль и непосредственно к теме «История русской женщины» не относятся. Не дошли, — а возможно, их и не было совсем, — исследования и

⁶ И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма, стр. 365.

⁷ Там же, стр. 372.

⁸ Там же, стр. 370.

⁹ Там же, стр. 368.

¹⁰ Там же, стр. 377.

¹¹ Там же, стр. 378.

¹² Там же, стр. 379.

¹³ Там же, стр. 380.

на четвертой теме — «История нищенства в России». Зато интересный и богатый фактами и непосредственными живыми наблюдениями материал мы находим в работе Прыжова, посвященных пятой теме — «Секты, ереси, расколы». Все они относятся к 80-м гг. и по большей части представляют собою варианты к опубликованной статье «Староверы». Одна из работ Прыжова названа им самим «Выговская староверческая община». В этой работе раскрывается история возникновения общины и событий на нее. Кроме этого специального труда в фонде Прыжова имеется много сведений о сибирских староверах; эти сведения разбросаны по другим его работам, посвященным истории и этнографии Сибири.

Накопец, по шестой теме — «Малороссия» в фонде Прыжова находится известная статья «Быт Малороссии по памятникам ее литературы с XI по XVIII век». Она гораздо более полная, чем тот вариант, который опубликован в «Филологических записках», и содержит многочисленные позднейшие поправки, относящиеся к 80-м гг. Подобно монографиям о голубе, собаке и о кабаках, эта работа Прыжова принадлежит к числу тех, над которыми он трудился всю жизнь.

Но рукописное наследие Прыжова не исчерпывается этими шестью темами. Поздние работы Прыжова, не известные доселе исследователям, содержат исторические материалы большой общественной значимости. Можно даже сказать, что исторические работы Прыжова составляют основной костяк его фонда и имеют первостепенное значение для характеристики его исторических и общественно-политических взглядов. Это прежде всего самая большая работа из дошедших до нас — «Граждане на Руси. Исследование И. Благовещенского», объемом около 500 л. Капитальное исследование это ставит большие и принципиальные вопросы гражданственности и ее толкования в XIX в. Прыжов исследует, как понимали гражданственность декабристы (посвящая специальную главу Мордвинову), западники, славянофилы, какое отражение получила тема гражданственности в русской литературе (особенно у Некрасова), говорит о разном понимании гражданственности передовыми людьми русского общества и придворной кликой (в частности, Катковым). К этой работе тесно примыкает другая, являющаяся частью одной из ее глав, отброшенных при окончательной обработке; Прыжов назвал ее «Славянофилы и Катков». В ней он раскрывает истинную суть «халдействующей секты славянофилов» с точки зрения последователя революционных демократов и дает яркий и запоминающийся образ Каткова, ретрограда и реакционера, врага всего прогрессивного, что было в русском обществе.

Если обе эти исторические работы представляют собою очерки о современниках Прыжова, то две другие, наоборот, обращены в прошлое. В одной папке у Прыжова хранятся «Записки по истории русского народа» — разрозненные заметки без начала и конца, обрывки его исследований. Другая работа названа Прыжовым очень выразительно: «Москва — царство татарщины» (первоначальный вариант заглавия: «Часть II. № 7. Москва — царство византизма и татарщины»). Эта работа отражает ложное понимание Прыжовым исторического процесса и роли Москвы в образовании русского государства. Несмотря на явную порочность своей основной предпосылки, эта работа Прыжова интересна для нас своей боевой полемической заостренностью, своеобразием того «областничества», которое было характерно для многих общественно-политических, научных и литературных деятелей конца 60-х и 70-х гг. XIX в.

К работам исторического характера тесно примыкают еще две статьи, составляющие, однако, особую группу; это заметки Прыжова о декабристах. Обращение Прыжова к теме декабризма закономерно. Сосланный на каторжные работы, а впоследствии вышедший на поселение, Прыжов естественно заинтересовался судьбой своих предшественников, и вот в результате этого перед нами его статья «Декабристы на Петровском заводе», неоконченная и незавершенная, литературно мало обработанная, как и другая — «История тюрьмы» (другой вариант заглавия — «Исповедь тюрьмы»), в которой содержатся разрозненные заметки о декабристах, Пестеле, Сперанском и т. д. Обе работы интересны той идейной перекличкой, какую можно было наблюдать между декабристами и революционерами 60-х гг., своеобразием понимания роли и значения декабризма у революционеров-шестидесятников.

Последнюю группу работ Прыжова составляют его небольшие по объему очерки, которые он собирался объединить под общим заголовком «Записки о Сибири». Часть из этого материала была им опубликована в «Вестнике Европы» и в газете «Порядок», и в фонде имеются черновые варианты посланных им статей («Сибирский Никола» — автограф на 39 л.). «Записки о Сибири» должны были, видимо, состоять из ряда самостоятельных очерков, среди которых в фонде Прыжова сохранились следующие: 1) Естественные богатства Сибири; 2) Сибирь, вымирающая от заразы; 3) Сибирская интеллигенция; 4) Мачеха-Сибирь, ее прошлое и настоящее; 5) Могилы. Первобытная история Сибири; 6) Возрождение языка. Инородцы; 7) Забайкальская природа; 8) Колонизация Сибири; 9) Крестьяне, Сахалин; 10) Сибирский Никола; 11) Эпизоды из сибирской жизни. Наконец, сюда же относятся: этнографический очерк о китайцах — чья-то работа со следами правки Прыжова или — возможно — чья-то копия его собственной работы, и уже упоминавшаяся выше статья «Выговская староверческая община».

Работы на сибирские темы интересны для нас особенно потому, что в ряде их Прыжов выступает как полевой этнограф. Его исследование «Забайкальская приро-

да», например, представляет собою описание различных трав со сведениями из народной медицины, собранными им от населения. Значительная часть сибирских работ Прыжова основана на личных наблюдениях и представляет для нас значительный интерес именно как добросовестные зарисовки народного быта, сделанные ученым-разночинцем.

Однако следует сразу же оговориться, что элемент личного, субъективного очень сильно дает себя чувствовать в этих статьях. «Записки о Сибири» Прыжова — это не «ума холодные наблюдения», а скорее «сердца горестные заметы». Прыжов объективен лишь тогда, когда он излагает историю Сибири или же описывает ее естественные богатства, но как только он переходит к людям, тон его исследования резко меняется. Это понятно. Судьба Прыжова повторила судьбу Шапова и многих других, затравленных тупым сибирским мещанством, самодурами-администраторами, светскими и духовными властями. Замученный до предела, Прыжов раздражается гневными филиппиками по поводу сибирского общества, ставит его во всех отношениях ниже тунгусов, якутов и монголов, предрекает ему самое скорое вырождение.

Уже краткий обзор фонда Прыжова показывает, какой большой интерес для восстановления подлинной истории науки, в частности для этнографии, имеют эти неизвестные до сих пор материалы. Ясно прежде всего, что без них наше представление о самом И. Г. Прыжове неполно, а потому недостаточно верно. Прыжов и в ссылке остался революционером-шестидесятником. Показательно, что в своем письме к Стороженко Прыжов спрашивал: «Что Котляревский? Сломился?»¹⁴. Фонд Прыжова говорит нам, что сам Прыжов не сломился, что он остался все тем же ученым и революционером в тяжелых условиях ссылке-поселенческой жизни 80-х гг.; он — один из тех, кого это двадцатилетие не сломило окончательно, кто пронес через все ужасы реакции, через катковщину светлые идеалы революционного демократизма.

Поэтому и фонд Прыжова, кроме своего узкого значения для характеристики самого Прыжова, имеет и более общее, более широкое значение. Мы располагаем слишком небольшим числом работ революционных демократов и их последователей, которые не прошли хотя бы предварительной — редакторской — цензуры. Этот фонд помогает нам полнее раскрыть смысл и значение идей революционного демократизма в преломлении сознания их прямых последователей — ученых-разночинцев 60-х гг. Он дает также богатый материал для характеристики общественно-политической мысли той эпохи.

¹⁴ И. Г. Прыжов, Очерки, статья, письма, стр. 371.